

RU

Метатекст битнического «автотекста» («Биг-Сур» Дж. Керуака)

Жиляков Н. А., Доценко Е. Г.

Аннотация. В статье одно из поздних произведений Дж. Керуака «Биг-Сур» (“Big Sur”, 1962) рассматривается как автобиографический роман, обозначающий переход творчества писателя к постмодернизму. Цель исследования – выявить степень влияния метатекста на носителя жанра автобиографического романа. Предпринята попытка ответить на вопрос, сохраняется ли идейно-содержательная целостность автобиографии как жанра во взаимодействии с элементами постмодернистской поэтики. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые и роман Керуака, и «автотекст» (произведение, характеризующееся автобиографизмом) рассмотрены в связи с движением поэтики художественного произведения от позднего модернизма к постмодернизму. В статье проанализированы формы и содержание метатекстуального комментария в романе «Биг-Сур», включающего в себя обращение автора к «раннему» Дж. Керуаку, размышления о битничестве, обширную цитацию и самоцитацию. Полученные результаты позволяют утверждать, что автор произведения сознательно эксплицирует себя в «Биг-Суре» с помощью различных уровней метатекста. Вместе с тем можно констатировать, что, проходя модификацию, автобиографический роман сохраняет свои ведущие признаки и в постмодернистском варианте.

EN

Metatext of a beatnik “autobiographic text” (Jack Kerouac’s “Big Sur”)

Zhilyakov N. A., Dotsenko E. G.

Abstract. The article considers Jack Kerouac’s “Big Sur” (1962) as an autobiographical novel that marks the transition of the beatnik writer’s work to postmodernism. The aim of the research is to determine the significance of metatext impact on the genre characteristics of the autobiographical novel. The article attempts to answer the question whether the structure and content integrity of autobiography as a genre remains in interaction with elements of postmodern poetics. For the first time in this study, both Kerouac’s novel and ‘autobiographic text’ (i.e., a work characterized by autobiographism) are considered on the background of the transition of the poetics from late modernism to postmodernism. The paper analyzes the forms and content of meta-textual commentary in “Big Sur”, which includes the author’s appeal to ‘early’ Jack Kerouac, reflections on beat-generation, extensive citation and self-citation. The results obtained allow us to state that the author of the work deliberately explicates himself in “Big Sur” with the help of various levels of metatext. At the same time, it can be stated that, being modified, the autobiographical novel does not abandon its main features in the postmodern version.

Введение

Актуальность данной работы обусловлена обращением к роману Дж. Керуака «Биг-Сур» как произведению, имманентно демонстрирующему роль и возможности метатекста. Несмотря на большое количество литературоведческих работ, посвященных изучению метатекста в постмодернистском художественном произведении, единого подхода к интерпретации данного термина до сих пор не существует. Интертекстуальный и «метатекстуальный» анализ романа «Биг-Сур» представляется важным, поскольку роман был опубликован в 1962 году – в период формирования новой литературы постмодернизма, до появления первых знаковых критических и художественных постмодернистских работ. Предложенный в статье анализ форм и функций метатекста романа Дж. Керуака «Биг-Сур» позволяет выявить специфику репрезентации авторского «Я» в позднем битническом тексте, а также показать влияние элементов постмодернистской поэтики на структуру и идейное содержание автобиографической разновидности романа. Исследование, кроме того, является актуальным в связи с возрастающим интересом отечественных ученых к литературному творчеству Дж. Керуака, с одной стороны, и отсутствием русскоязычных работ, в которых позднее творчество писателя рассматривалось бы в рамках постмодернистской поэтики, с другой.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: во-первых, дать определение понятию «метатекст» как элементу поэтики постмодернизма в литературе; во-вторых, выявить формы и определить функции метатекста в романе Дж. Керуака «Биг-Сур»; в-третьих, показать степень влияния постмодернистского метавысказывания на целостность автобиографического романа как жанровой разновидности. «Автотекст» в названии работы употребляется, скорее, метафорически, чтобы избежать подробного разговора об автобиографизме и автобиографическом романе, действительно, значимых терминах, конкретное обращение к которым потребовало бы увеличения задач в статье.

Материалом исследования послужили романы Дж. Керуака 1950-1960-х гг.:

- Керуак Дж. Биг-Сур / пер. с англ. А. Герасимовой, Е. Калявиной. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015а;
- Керуак Дж. Бродяги Дхармы / пер. с англ. М. Немцова. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015b;
- Керуак Дж. В дороге / пер. с англ. В. Когана. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014;
- Kerouac J. Big Sur. N. Y.: Penguin Books, 1992.

В качестве справочного материала был задействован словарь терминов: Ильин И. П. Постмодернизм: словарь постмодернистских терминов. 2001. <http://niv.ru/doc/dictionary/postmodernism-literature/index.htm>.

В ходе работы применялись такие методы исследования, как сравнительно-исторический, в рамках которого выстроена современная жанровая теория, биографический, необходимый для анализа автобиографического романа, деконструктивизм, позволивший обратиться к метатексту как элементу постмодернистской поэтики.

Теоретической базой исследования стали научные работы отечественных и зарубежных авторов. В западном литературоведении творчество Дж. Керуака рассмотрено подробно и многоаспектно. Из крупных исследований можно выделить работы Дж. Холмса (Holmes, 1952), Т. Паркинсона (Parkinson, 1961), Б. Кука (Cook, 1971), Ф. Макдара (McDarragh, 1985). В отечественной науке романы писателя также становились объектом исследований. Как о писателе-модернисте о Дж. Керуаке говорил А. М. Зверев (1979). Самым первым крупным монографическим исследованием стала работа Э. Э. Ошиньша (1984) «Метод и жанр прозы Джека Керуака», в которой исследователь также указывает на модернистские приемы в романах автора. В XXI веке интерес отечественных ученых к творчеству писателя не угасает. Так, о главных романах писателя («В дороге», «Бродяги Дхармы» и «Биг-Сур») в аспекте их метода, жанрового своеобразия, стиля и особенностей поэтики писали Ю. Ю. Васильева (2014), Е. А. Смирнов (2011), Р. С. Цаплин, А. С. Полушкин (2014). Из новейших крупных исследований можно выделить монографии Д. С. Хаустова (2017; 2020) «Битники. Великий отказ, или Путешествие в поисках Америки» и «Берроуз, который взорвался. Бит-поколение, постмодернизм, киберпанк и другие осколки», а также диссертационное исследование А. О. Школьской (2021) «Жанровый синкретизм в литературе андеграунда (роман Дж. Керуака “На дороге” и поэма Вен. Ерофеева “Москва – Петушки”)». «Биг-Сур» пока не столь часто попадает в поле зрения исследователей, как ставший хрестоматийным роман «В дороге».

Поскольку для нашего исследования принципиально значимым является понятие «метатекст», следует сказать, что в литературоведении постмодернистскому дискурсу и в том числе метавысказыванию в структуре художественного текста посвящено множество монографических исследований таких авторов, как Ж. Деррида (Derrida, 1976), Ж. Женетт (Genette, 1997), Ж.-Ф. Лиотар (Lyotard, 1983), И. Хассан (Hassan, 1971). В отечественном литературоведении о метатексте писали А. Вежицкая (1978), М. Н. Липовецкий (1997), Ю. М. Лотман (1998), В. С. Киселев (2004), Н. В. Киреева (2011).

Практическая значимость исследования связана с возможностями преподавания американской литературы XX в. в вузе.

Обсуждение и результаты

Вторая половина XX века для литературы – время нового после литературы модернизма творческого эксперимента и смены главенствующей художественной системы координат, время формирования постмодернистской эстетики. Ведущими ее особенностями можно назвать понимание мира как текста, принцип деконструкции и рефлексии писателей над собственно процессом создания текста: «Проблема формирования постмодернизма и его функционирования в системе современной западной культуры затрагивает сферу, глобальную по своему масштабу, поскольку касается вопросов не столько мировоззрения, сколько мироощущения, т. е. <затрагивает> ту область, где на первый план выходит не рациональная, логически оформленная философская рефлексия, а глубоко эмоциональная, внутренне прочувствованная реакция современного человека на окружающий его мир» (Ильин, 2001). Это привело к тому, что, как отмечал И. Хассан (Hassan, 1971), постмодернистский отказ от категории истины и принцип игры напрямую повлияли на многие литературные жанры. По верному замечанию Н. В. Киреевой, с приходом постмодернизма меняется и прагматическая функция автобиографического романа, который отныне «используется не столько для “подведения итогов” жизненного пути... сколько для экспериментов с моделированием авторского “Я” в условиях кризиса привычных способов выражения» (2011, с. 329). Нетрудно заметить, что эта новая установка противоречит магистральной идее автобиографического романа – репрезентации авторского «Я», которое отныне может быть ложным, фиктивным, скрытым в самом тексте. В рамках данного исследования важным представляется вопрос, может ли автобиографический роман в подобной системе координат оставаться самостоятельной жанровой разновидностью романа и по-прежнему ли он рассказывает об истории, пусть и субъективной, становления/переосмысления авторского «Я» и его взаимоотношениях с миром.

Возможность для поиска ответа на этот вопрос предоставляют автобиографические романы писателей, чьи художественные произведения отразили в себе идеи контркультурного движения битников в США 1940-1950-х гг. Ведущей эстетической установкой «разбитого поколения» можно назвать поиск личностной свободы в условиях кризиса индивидуализма и стремительно формирующейся культуры потребления в послевоенной Америке: «Битники отличались от того, что они видели вокруг себя, и от того, что, как они чувствовали, подавляло их. Они знали, что это так, и потратили много времени и энергии, отстаивая свое право отличаться от других» (Cook, 1971, p. 23). Мы полагаем, что именно это стремление на уровне художественного поиска нашло отражение в их позднем творчестве 60-х гг. через постепенное движение от мироощущения модернистского к постмодернистскому, поскольку, «выйдя во многом из атмосферы 60-х, постмодернизм навсегда сохранил столь характерное для тех лет представление об организованном, реально существующем обществе как об истеблишменте, то есть как о страшной, полностью отчужденной, унифицирующей силе, уничтожающей неповторимую индивидуальность каждого отдельного человека» (Кнабе, 1995, с. 272). Интересным для анализа в связи с этим представляется роман Дж. Керуака «Биг-Сур» (“Big Sur”), написанный и опубликованный в начале 60-х годов – в период формирования в Америке принципов постмодернистского письма.

Дж. Керуак приступает к написанию своего одиннадцатого романа летом 1961 года. Биографическим основанием будущего текста стала поездка Дж. Керуака в 1960 году в Калифорнию. Близкий друг писателя Л. Ферлингетти, обеспокоенный его проблемами с алкоголем и общим душевным состоянием, порекомендовал Дж. Керуаку пожить несколько недель в его хижине в горах Биг-Сура – живописного побережья у Тихого океана, чтобы восстановить силы и отдалиться от жизни большого города. Результатом этой поездки стал нервный срыв, после которого писатель был вынужден уехать из Сан-Франциско. В романе «Биг-Сур», опубликованном в 1962 году, Дж. Керуак описал пережитый опыт – «помутнение и восстановление своего собственного рационального сознания» (Theado, 2000, p. 159).

Роман открывает эпиграф, в котором писатель указывает на то, что сюжетно и содержательно «Биг-Сур» связан с предыдущими работами: «Все, что я пишу, складывается в одну большую сагу вроде прустовской <...> Когда-нибудь в старости я соберу все эти главы воедино, восстановлю единообразие имен в моем пантеоне, оставлю длинную полку книг и умру счастливым». Важно также, что уже в эпиграфе автором проведена граница между ним и его персонажем: «Это одна огромная комедия, увиденная глазами бедного Ти-Жана (меня), вдобавок известного, как Джек Дулуоз, это мир буйного действия и безрассудства, но также любви и красоты, увиденный сквозь замочную скважину его глаза» (Керуак, 2015а, с. 3). Интересным кажется в этом случае то, что дистанция между ними минимальная, что подчеркивает вынесенное за скобки местоимение «меня». В «Биг-Суре» вообще часто используется прием автокомментария. Так, например, рассказ героя о том, как он писал поэму на берегу моря, перебивается вставной конструкцией, в которой автор сообщает о том, что сама поэма находится в финале романа, и даже оставляет свои инициалы: «...полностью стихи, сочиненные морем, можно найти в приложении к этой книге, озаглавленном “Море: Звуки Тихого океана у Биг-Сура” – Дж. К.» (Керуак, 2015а, с. 35). Иногда автор и вовсе разрушает границы художественного времени, будто обнажая процесс письма и обнаруживая себя как реального человека. Так в финале романа, выбравшись из кошмара белой горячки, повествователь размышляет о случившемся, о своих близких, шокированных его психозом и, конечно, не понимающих его чувств, как вдруг в его размышления вклинивается сам Керуак: «...и Романа станет жить дальше, и старина Дейв как-нибудь продержится, я прошу им все и объясняю (что я в данный момент и делаю)» (2015а, с. 197). По классификации разновидности метатекста, предложенной Е. Н. Шиловой, здесь можно говорить о «метаречевых комментариях нарратора» (2011, с. 7). Автор не только сознательно, но и нарочито обнаруживает себя в тексте, а указанием к тому, что эти реплики принадлежат Керуаку-писателю, служат часто возникающие за скобками реальные биографические факты и наименования. Так, если повествователь называет свой самый популярный роман «Дорога», то в одном из комментариев звучит его точное название – «В дороге». Схожий принцип можно заметить в финале одной из глав романа, где Джек Дулуоз рассказывает о битнической квартире и ее жильцах: «Даже соседи, крутые джазовые негры, захаживают с бутылками, – замечает повествователь, а автор добавляет: <...> (“Эдвард Кул и кое-кто еще”))» (Керуак, 2015а, с. 60). Хотя Керуак и не изменял имена реальных исторических деятелей (в «Биг-Суре» вообще много прямых и косвенных интертекстуальных отсылок к известным личностям – Берроузу, Джойсу, Рембо, Блейку, По, Эмерсону, Миллеру, Селину и др.), интересным кажется то, что имя знаменитого американского джазмена оказывается «вытеснено» из основного потока повествования, как и полное название самого известного керуаковского произведения. Порой эти комментарии носят лишь информативный характер («задние сиденья сняты», «из светлой необработанной кожи», «голос по телефону такой же, как на пластинках»), а в иных случаях сообщают дополнительную информацию о персонажах («в этот момент я вспоминаю: Эвелин на серьезе говорила мне, что Коди всегда называет женщин полными именами») или вообще по форме напоминают ремарки из пьес: «обиделся», «целует» и проч.

Можно заметить, что автокомментирование вводит в «Биг-Сур» игровое начало: Керуак-писатель дополняет, переписывает и переосмысливает им же созданную историю, то отстраняясь от нее, то вновь участвуя в повествовании. Вводя свой собственный голос в ткань текста, Дж. Керуак деконструирует один из ведущих принципов автобиографического повествования. В «Биг-Суре» голос из «тогда» принадлежит повествователю, а голос из «сейчас», обособленный, подчеркнuto вынесенный за скобки, зачастую (но не всегда) говорит голосом самого творца, будто перечитывающего написанное. Таким образом, в романе зарождается и развивается специфический «диалог» между главным героем романа, его биографическим «альтер эго» и, что более

важно, читателем. В таком случае рассмотренные нами примеры авторского комментирования могут указывать на наличие в романе метатекста, позволяющего этому «диалогу» развиваться: «Специфика постмодернистского художественного дискурса состоит в понимании текста как реальности, а метатекст и метатекстуальность в этом процессе играют ключевую роль ввиду формирования иллюзии диалога автора и читателя в процессе создания самого произведения и прогнозирования векторов его интерпретации» (Кудрявцева, 2022, с. 2594).

Несмотря на высокую степень освещенности проблемы в современной науке, по-прежнему не существует единого подхода к определению значения понятия «метатекст», что «связано с... индивидуальными установками исследователей, каждый из которых представляет свою точку зрения в соответствии с целями и задачами своей работы» (Лукина, 2009b, с. 36). Однако уже достаточно устоявшимися в лингвистике и литературоведении считаются подходы к интерпретации термина, сформулированные А. Вежбицкой (1978) в статье «Метатекст в тексте». В узком понимании метатекст («текст о тексте») – рефлексия говорящего о произнесенных им словах. В широком варианте интерпретации метатекст («текст в тексте») – высказывания, принадлежащие метаголасу автора, которые композиционно организуют текст, а также указывают читателю на важные для автора смысловые компоненты. Таким образом, в широком понимании метатекст выполняет смыслообразующую функцию, что позволяет, по верному замечанию А. В. Кузнецовой, рассматривать его «как значимую структурно-семантическую единицу в составе целостного текста» (2021, с. 278). В рамках нашего исследования мы в первую очередь будем ориентироваться на эти два варианта значения термина, воспользовавшись определением Н. В. Лукиной, в котором объединены два вышеописанных подхода, то есть под метатекстом мы будем понимать «рефлексию говорящего по поводу собственного речевого поведения, которая может быть связана как с употреблением отдельно взятого слова, так и содержательным планом текста, его композиционным построением, смысловой структурой» (2009a, с. 52). Такой вариант истолкования понятия поможет нам увидеть ситуации включения метатекста в структуру романа, а также показать, как метатекст изменяет носители жанра – в первую очередь субъектную и пространственно-временную организации текста, т. е. подойти непосредственно к цели нашего исследования.

Как уже отмечалось, роман рассказывает о нескольких поездках Джека Дулуоза в горы Биг-Сура и о его нервном срыве, ставшем результатом длительного запоя. В финале романа герой переживает духовное пере рождение, освобождаясь от кошмаров белой горячки, и обретает покой. Описанные перипетии сюжета формально соответствуют структуре автобиографического текста, поскольку автобиографическая проза в первую очередь ставит перед собой цель показать эволюцию «Я», от чьего лица ведется повествование. Структурно это возможно благодаря удвоению голоса автора: условный герой из «тогда» вновь переживает события прошлого, которые вспоминает повествователь из «сейчас». Об этой важной для жанра особенности в 70-е годы XX в. писал французский исследователь Ф. Лежен, который одним из первых определил целый ряд структурных параметров автобиографических текстов: «...повествование в прозе, ретроспективность и, как следствие, раздвоенность сознания повествователя, проживающего собственную биографию во временных плоскостях “тогда” и “сейчас”, хронологическая последовательность изложения» (2006, с. 266). В «Биг-Суре» перечисленные принципы формально присутствуют, но особым образом трансформируются, благодаря чему создается абсолютно иной содержательный уровень «автотекста».

Начать стоит с того, что в автобиографии раздвоение авторского голоса на «тогда» и «сейчас» обнаруживает себя в первую очередь благодаря использованию глаголов в прошедшем времени. Так создается установка на достоверность – ощущение читателя, что описываемые события действительно происходили, но что более важно – определяется дистанция между авторскими «Я»: пока герой проживает события из «тогда», повествователь из «сейчас» может оценивать их, оценивать себя, наблюдать за «собой» со стороны. Так, например, в первом романе Дж. Керуака «В дороге» Сал Парадаиз рассказывает о своих путешествиях по Америке вместе с лучшим другом и хипстером Дином Мориарти. Вот сцена, в которой главный герой, впервые выйдя на дорогу, описывает ночевку в придорожной гостинице: «Проснулся я, когда багровое солнце уже клонилось к закату. И в это совершенно особое, удивительное мгновение моей жизни я вдруг забыл, кто я такой. Я находился далеко от дома, в дешевом гостиничном номере, каких никогда не видывал, был возбужден путешествием. <...> Я не был напуган. Просто я был кем-то другим, неким незнакомцем, и вся моя жизнь была жизнью неприкаянной, жизнью призрака. Я проехал пол-Америки, добрался до пограничной линии, отделявшей Восток моей юности от Запада моего будущего, и потому-то, быть может, и произошло такое именно там и именно тогда, в тот странный багровый предвечерний час» (Керуак, 2014, с. 22). Мы видим, как событие подвергается тщательной рефлексии. Вспоминая себя в прошлом, повествователь определяет значение того «совершенно особого, удивительного» события, зная о будущем, о котором еще не может знать главный герой.

Первые главы «Биг-Сура» будто отзеркаливают и переворачивают сцену из «В дороге»: главный герой тоже просыпается в номере отеля, однако он уже не столь воодушевлен и полон сил: «Церковные колокола бросают (в оригинале романа: “The church is blowing a sad windblown...” (Kerouac, 1992, p. 4)) на ветер печальную мелодию “Катлин”, она разносится над трущобами скид-роу, где я просыпаюсь (“I wake up...”) со стоном, несчастный, бедственно слипшийся после очередной пьянки, и главный стон оттого что сам поломал все инкогнито своего возвращения в Сан-Франциско <...> – вот он хренов “король битников”, вернулся и поит всех подряд» (Керуак, 2015a, с. 9). Сразу кажется необычным то, что повествователь использует глаголы настоящего времени, конкретно здесь Present Continuous и Present Simple, будто это не воспоминания, но происходящие сейчас события, однако читатель не может в таком случае быть уверен, кому принадлежит последняя фраза, в которой

дается критическая оценка поведению героя и время вновь изменяется. Для того чтобы разобраться в этом, необходимо понять суть внутреннего конфликта главного героя: «Конфликт, который переживает герой, – онтологический, вечный. Внешний – конфликт художника с обществом, непонимание. Внутренний – конфликт, порождаемый поисками гармонии, борьбой с искушениями» (Кузнецова, Бочкарева, 2009, с. 193).

Джек Дулуоз в «Биг-Суре» позиционируется как известный американский писатель, автор романа «Дорога». В настоящий момент он испытывает творческий кризис и не справляется с собственной популярностью, с одной стороны, мешающей ему продолжать писать, а с другой – усиливающей в нем его деструктивные привычки – пристрастие к алкоголю: «Впервые я покинул дом (дом моей матери) с тех пор как напечатал “Дорогу”, книгу “принесшую мне известность” до такой степени что три года меня сводил с ума поток телеграмм, звонков, предложений, писем, репортеров, непрошенных гостей (только соберешься писать рассказ, под окном голос: ВЫ ЗАНЯТЫ?) <...> Приходит тетка, говорит: “Я не спрашиваю, вы ли Джек Дулуоз, потому что он с бородой, только скажите, пожалуйста, где его найти, мне нужен наш настоящий битник на наш ежегодный вечер с танцами”» (Керуак, 2015а, с. 10). Используя уже цитировавшуюся классификацию вариантов метатекста, здесь можно говорить о «метатекстуальных образованиях структурного и сюжетного уровня» (Шилова, 2011, с. 7). Интересно в этом фрагменте то, что о собственной популярности повествователь говорит чужими словами, будто бы взятыми из журнальной статьи, но куда важнее ситуация неузнавания, в которой оказывается герой, ведь окружающие не видят в нем «настоящего битника», так как Дулуоз не соответствует им же придуманному персонажу: «По всей Америке студенты и школьники уверены: “Джеку Дулуозу 26 лет и он все время ездит автостопом” – а мне почти 40, я стар, устал, измучен и мчусь в купе по Американской равнине» (Керуак, 2015а, с. 11). Попытка на протяжении трех лет соответствовать этому образу приводит героя к депрессии и алкогольной зависимости, а поездка в горы Биг-Сура планируется им, чтобы восстановить силы и остаться наедине с собой: «И я пьяный практически постоянно, чтобы как-то соответствовать этому бардаку, но в конце концов осознаю что окружен превосходящими силами противника, надо бежать, уединение или смерть» (Керуак, 2015а, с. 12). Давление, оказываемое со стороны общественности, невозможность быть собой настоящим и необходимость соответствовать чьим-то ожиданиям приводят Дулуоза к кризису идентичности, к тому, что и он сам не знает, кто он есть: «Лицо себя самого в зеркале исполненное невыносимой муки так горестно и безобразно что нельзя даже оплакивать этот предмет – столь уродливый, потерянный, утративший всякую реальность с задуманным образцом и тем самым с какими бы то ни было слезами; будто вместо тебя самого в зеркале вдруг берроузовский “чужой”» (Керуак, 2015а, с. 13). И вновь словно Дж. Керуак отсылает нас к сцене в мотеле из «В дороге»: просыпаясь в номере, герой ощущает себя кем-то другим, только вот если Сал Парадайз, путешествуя, становился писателем, то Джек Дулуоз, этого персонажа придумавший, из-за популярности книги о нем более в себе писателя не видит.

Таким образом, мы можем предположить, что в романе «Биг-Сур» действительно присутствуют два голоса и два героя, однако противопоставлены они не во временной плоскости я-«тогда» и я-«сейчас». В «Биг-Суре» Дж. Керуак выбирает куда более сложный в плане построения нарратива путь: в рамках одного текста он сталкивает свои литературные альтер эго. В повествовании одновременно сосуществуют два главных героя. Первый – образ Джека Дулуоза – главный герой романа, «король битников», рассказывающий свою историю. Второй – «настоящий» Джек Дулуоз – повествователь из «сейчас», эксплицитно присутствующий в тексте, оставляющий по ходу повествования свои комментарии, уже разрешивший внутри себя этот кризис, знающий финал истории и наблюдающий за тем, как ее рассказывает им же созданный в книгах персонаж, образ самого себя. Следовательно, высказывания Дулуоза-повествователя являются метатекстом по отношению к рассказываемой Дулуозом-персонажем истории.

При этом с осмыслением себя как Творца связано и модернистское эхо в романе. Мы отталкиваемся от представлений о творчестве Дж. Керуака и битников в целом как по преимуществу модернистском. К позднему послевоенному американскому модернизму относятся и «В дороге» Керуака, и «Джанки» У. Берроуза. В романе «Биг-Сур» сохраняется модернистское стремление к созданию собственного мира – своего художественного космоса. На фоне подавляюще огромных божественных творений – моря и собственно Биг-Сура – автор в романе чувствует себя крошечной песчинкой, но законы природы (или Бога) – единственное, что автор не может изменить или переписать. Все остальное – в его руках, и по мере «переписывания» своего «Я» или всей концепции битничества роман на наших глазах формируется уже как постмодернистский.

Для того чтобы показать, как осуществляется этот «диалог» автобиографических «Я», обратимся к еще одному эпизоду. Впервые отправившись в хижину своего приятеля Монсанто, Джек Дулуоз испытывает спокойствие и умиротворение. Главы, посвященные этой поездке, написаны в идиллических тонах, а стилистически и содержательно они напоминают главы из романа «Бродяги Дхармы», в котором Дж. Керуак говорил о своем увлечении философией дзен: «Напеваю веселую песенку я готовлю ужин, выхожу в лунный туман (луна просвечивает туман насквозь) и с восторгом смотрю как бежит обновленная чистая вода клокоча и чудесно поблескивая – “А когда кончится туман и выйдут туман и звезды, будет еще красивее”» (2015а, с. 31). Для сравнения похожий фрагмент из «Бродяг»: «Диск новой луны выпукло торчал и тайно смешил меня посреди бледного настила синевы между чудовищными накатами дымки, поднимавшейся от озера Росс <...> Где-то, наверное, проходит золотой праздник радости. В дневнике я записал: “О, я счастлив!”» (Керуак, 2015b, с. 276). Наконец избавившись от внимания со стороны, Дулуоз будто бы обретает гармонию с миром, ощущает себя мудрецом,

подчеркивая свое нежелание быть битником: «И в потоке радости первых дней я уверенно говорю себе: “Хватит растрчивать себя, пора спокойно взирать на мир и даже наслаждаться им, сначала в лесу как сейчас, потом спокойно идти говорить с людьми, не бухать, не торчать, не якшаться с битниками”» (Керуак, 2015а, с. 26); «Далеко же отсюда до битников» (Керуак, 2015а, с. 28); «Глядя на долину я понимаю также что надо готовить обед и он ничем не будет отличаться от обеда тех древних людей, и вообще обед это вкусно – Все неизменно, все едино» (Керуак, 2015а, с. 38). Однако безусловно доверять этим открытиям героя невозможно, поскольку в повествование включаются метатекстуальные вставки, в которых «настоящий» Дулуоз говорит о том, что, несмотря на все это, он все равно «сойдет с ума», таким образом обесценивая мысли и чувства героя, а также нарушая принцип ретроспективности автобиографического повествования, открыто сообщая о финале романа: «Вот все вот это, все мои светлые мыслишки вплоть до дурацкого стишка морю <...> – и все ж таки через три недели я сойду с ума. Казалось бы, можно ли сойти с ума после такой расслабухи – ан нет: вот зловещие знамения, что что-то не так» (Керуак, 2015а, с. 42). Ощущение тревоги, о котором говорит повествователь, – это грядущее осознание Дулуозом собственной смертности, того, что дело не в его популярности, но во внутреннем кризисе: в его собственном стремлении соответствовать придуманному им же образу писателя-битника: «Думал поймать дыхание здешних мест, а сам чуть сознание не потерял, и это не экстаичный обморок святого Франциска, а некий ужас перед вечным состоянием болезненной смертности во мне <...> Я ощутил себя совершенно голым, лишенным всех этих защитных приспособлений типа медитаций под деревьями, мыслью о жизни и “высшем” <...> Ужасно осознавать что всю жизнь дурил себя думая что надо что-то делать чтобы спектакль продолжался, а на самом деле я лишь несчастный клоун <...> и я так и сижу на песке отдышавшись <...> аж писать противно – Все мои уловки раскрыты и даже осознание того что они раскрыты само по себе раскрыто как уловка» (Керуак, 2015а, с. 44). В данном отрывке метатекстуальное «Я» Дулуоза, звучащее и рефлексирующее, наконец сообщает правду и разоблачает Дулуоза-битника, чьи возвышенные, взятые из им же написанных книг взгляды сталкиваются с экзистенциальной мыслью о конечности жизни. Мы видим, как «настоящий» Дулуоз не просто оценивает себя в прошлом, но деконструирует свое писательское «Я», что становится причиной дальнейшего сумасшествия главного героя, которому придется вернуться в реальность и отыскать в ней иной смысл: «Болезнь выступает не только как разрушающее явление, но и как способ обрести освобождение, как необходимое условие совершенствования, познания» (Кузнецова, Бочкарева, 2009, с. 194).

Однако в этом эпизоде появляется еще одно «Я», принадлежащее самому Керуаку-творцу, который непосредственно пишет текст своего романа и размышляет, пожалуй, над главной проблемой автобиографических романов: насколько художественная автобиография способна передать подлинную авторскую мысль или жизнь. Осознание Дулуоза, его взгляд на себя со стороны – лишь «уловка», еще один литературный прием, свойственный автобиографическому «Я». На этом третьем уровне метатекстуальное высказывание, принадлежащее реальному биографическому автору (что нарушает принцип цельности автобиографии как художественного целого), дублирует созданную внутри текста конструкцию: как «настоящий» Дулуоз наблюдает за жизнью Дулуоза-битника, так биографический Керуак наблюдает за жизнью своих литературных героев. Иными словами, Дж. Керуак пишет роман об автобиографическом альтер эго (Джеке Дулуозе), которое наблюдает за другим автобиографическим альтер эго (Дулуозом-битником). Эта «матрешка» субъектных уровней, сконструированная из сосуществующих в тексте метатекстуальных комментариев, обнаруживает в «Биг-Суре» по-настоящему постмодернистскую повествовательную стратегию: изображение самого принципа написания художественного текста.

В финале романа «Биг-Сур» Джек Дулуоз, осознавший себя писателем и освободившийся от необходимости соответствовать чьим-либо представлениям о писателе-битнике, все же, как это необходимо автобиографическому «Я», оказывается в настоящем, заканчивая свой роман так: «Из всего в конце концов получится что-нибудь хорошее – И все будет золотым и вечным, вот так – Ни слова больше» (Керуак, 2015а, с. 197). Вновь можно задаваться вопросом, кому принадлежит эта финальная фраза: литературному персонажу или Дж. Керуаку, закончившему писать роман. Однако там, где заканчивается один текст, начинается новый. В финале Дж. Керуак предлагает нам прочитать поэму «Море: Звуки Тихого океана у Биг-Сура», датированную 1960 годом (в русскоязычном цитируемом издании «Биг-Сура» поэма «Море: Звуки Тихого океана у Биг-Сура» опубликована в переводе Е. Калявиной). Текст, над которым работал Джек Дулуоз, но не мог его закончить из-за надвигающегося безумия, но который написал Дж. Керуак, побывав в горах Биг-Сура: «Даже море не в силах мне мешать записывать что-то для чтения в старости» (2015а, с. 214). Реальность, являющаяся текстом и наоборот, – одна из главных игровых концепций постмодернизма, «где постоянно чередуются противоположные состояния, плюс меняется на минус, где постоянно только сама перемена» (Эпштейн, 1988, с. 229).

Заключение

Итак, анализ метатекстуальных уровней текста романа Дж. Керуака «Биг-Сур» показал, что данный элемент постмодернистской поэтики существенным образом преобразует структуру автобиографического произведения. Во-первых, нарушаются принципы ретроспективности и хронологии повествования: субъект сознания из «сейчас» благодаря метатекстуальным вставкам не просто наблюдает за последовательностью событий в прошлом, но подвергает себя критике, спорит с самим собой, что привносит в текст игровое начало, а также

сокращает временную дистанцию между авторскими «Я». Во-вторых, соответственно, изменяется субъектная организация автобиографии, а метатекст, указывая на наличие разных субъектов сознания, способствует появлению новых форм авторской рефлексии. Вместе с тем, несмотря на эти структурные изменения, содержательно уже постмодернистская автобиография продолжает рассказывать о развитии и становлении личности, о мироощущении автора. Из этого мы можем сделать вывод о том, что метатекст, эксплицитно проявляющий себя в ходе повествования, органично встраивается в структуру жанра и открывает для автобиографии новые уровни смыслов и пути развития.

Перспективным в связи с этим кажется дальнейшее изучение других постмодернистских автобиографий на предмет типов и функций метатекстуального комментария, а также анализ иных форм взаимодействия постмодернистской поэтики с автобиографическим жанром.

Источники | References

1. Васильева Ю. Ю. Особенности «спонтанной прозы» Джека Керуака // Концепт. 2014. № 10.
2. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой.
3. Зверев А. М. Модернизм в литературе США. Формирование. Эволюция. Кризис. М.: Наука, 1979.
4. Киреева Н. В. Трансформация жанра автобиографии американскими писателями-постмодернистами // Преподаватель XXI век. 2011. № 3.
5. Киселев В. С. Метатекст как тип художественного целого (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282.
6. Кнабе Г. С. Знак. Истина. Круг (Ю. М. Лотман и проблема постмодерна) // Лотмановский сборник. М., 1995. Вып. 1.
7. Кудрявцева М. И. Метатекст в художественном дискурсе постмодерна: когнитивно-прагматический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 9.
8. Кузнецова А. В. Семиозис метатекста в художественной коммуникации // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 2 (35).
9. Кузнецова Е. А., Бочкарева Н. С. Эволюция героя-рассказчика в романах Дж. Керуака «Бродяги Дхармы» и «Биг Сюр» // Мировая литература в контексте культуры. 2009. № 4.
10. Лежен Ф. Когда кончается литература? // Автобиографическая практика в России и во Франции / под ред. К. Вьолле, Е. Гречаной. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
11. Липовецкий М. Н. Из предыстории русского постмодернизма (метапроза Владимира Набокова от «Дара» до «Лолиты») // Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (очерки исторической поэтики). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997.
12. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Об искусстве. Структура текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики: статьи, заметки, выступления (1962-1993). СПб.: Искусство-СПб, 1998.
13. Лукина Н. В. Метаобразования как средства диалогизации художественного текста (на материале произведений Т. Толстой) // Гуманитарные исследования. 2009а. № 3 (31).
14. Лукина Н. В. Проблема выделения метатекста в художественном тексте // Русистика. 2009b. № 3.
15. Ошиньш Э. Э. Метод и жанр прозы Джека Керуака: дисс. к. филол. н. М., 1984.
16. Смирнов Е. А. Музыкальные аспекты романа Джека Керуака «На дороге» // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347.
17. Хаустов Д. Битники. Великий отказ, или Путешествие в поисках Америки. М.: РИПОЛ классик, 2017.
18. Хаустов Д. С. Берроуз, который взорвался. Бит-поколение, постмодернизм, киберпанк и другие осколки. М.: Индивидуум, 2020.
19. Цаплин Р. С., Полушкин А. С. Между возвышенным и обыденным: синтез поэтического и прозаического начал в романе Джека Керуака «В дороге» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (3).
20. Шилова Е. Н. Метадрама в творчестве Кэрил Черчилл: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2011.
21. Школьская А. О. Жанровый синкретизм в литературе андеграунда (роман Дж. Керуака «На дороге» и поэма Вен. Ерофеева «Москва – Петушки»): дисс. ... к. филол. н. Смоленск, 2021.
22. Эпштейн М. Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX-XX веков. М., 1988.
23. Cook V. The Beat Generation. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1971.
24. Derrida J. Of Grammatology. Baltimore, 1976.
25. Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation. Cambridge, 1997.
26. Hassan I. The Dismemberment of Orpheus: Toward a Postmodernist Literature. Urbana, 1971.
27. Holmes J. C. This Is the Beat Generation // The New York Times Magazine. 1952. November 16.
28. Lyotard J.-F. Answering Question: What Is Postmodernism // Innovation/Renovation: New Perspectives on the Humanities / ed. by I. Hassan and S. Hassan. Madison, 1983.
29. McDarragh F. W. Kerouac and Friends: A Beat Generation Album. N. Y.: William Morrow & Co., 1985.
30. Parkinson T. A Casebook on the Beat. N. Y.: Thomas Y. Crowell Company, 1961.
31. Theado M. Understanding Jack Kerouac. Columbia: University of South Carolina, 2000.

Информация об авторах | Author information**Жиляков Никита Александрович**¹**Доценко Елена Георгиевна**², д. филол. н., проф.^{1,2} Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург**Zhilyakov Nikita Alexandrovich**¹**Dotsenko Elena Georgievna**², Dr^{1,2} Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg¹ *deny.cooper@gmail.com*, ² *eldot@mail.ru***Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 15.10.2023; опубликовано online (published online): 30.11.2023.

Ключевые слова (keywords): метатекст; роман «Биг-Сур»; автобиографизм; писатель-битник; постмодернизм; metatext; novel “Big Sur”; autobiographism; beatnik writer; postmodernism.